

Литература, критика и искусство

Rossica

LUTHER ARTHUR. Geschichte der Russischen Literatur. Bibliographisches Institut, Leipzig, 1924. X 500, in-8°.

Книга эта не только результат многолетней работы, но, прежде всего, горючей любви к русской культуре и литературе. По праву надо было приступить к обстоятельной статье о трудах А. Ф. Лютера, бывшего прив.-доцента Московского Университета, ныне библиотекаря грандиозной лейпцигской Deutsche Bucherei и тем самым выразить признательность русскому читателю за труды этого ученого, так много поработавшего для ознакомления Германии с Россией. «История Литературы» — последний из до сих пор появившихся трудов прив.-доцента Лютера.

Начиная с переплета и бумаги, кончая содержанием, — все в этой книге обдумано с любовью. Рисунки полограны так, чтобы ближе всего подойти к немецкому читателю, наприм. снимок с титульного листа немецкого издания «Русской грамматики» Ломоносова; автографы также подобраны, по возможности, немецкие, отчего появились неизвестные письма Тургенева и других Толстых, а современные писатели (Бильи, Ремизовы) дали свои списки, по немецки написанные, автографы.

Что касается изложения, то начнем с конца — с научного аппарата. К сожалению, указания русских работ эпизодичны, что значительно уменьшает ценность библиографических данных для русского читателя, но немецкая работа дана с большой полнотой. Среди них много статей и переводов самого пр.-доцента Лютера, напр. собрание переводов из Пушкина, Лермонтова, Гоголя; последний (1924 г.) перевод «Слова о Полку Игореве» с иллюстрациями Н. Гончаровой.

Материал в изложении распределен таким образом: 36 стр. занимает так называемая народная словесность (9 стр. предварительных не в счет), 12 стр. — до татарской эпохи, 13 стр. — татарщина и московская эпоха (отдельно это остроумно озаглавлено); время татарского и московского ига), 9 стр. — допетровская эпоха, 16 стр. — первая половина XVIII в., 22 стр. — эпоха Екатерины, 110 стр. — русский классицизм (1800-1840) 133 стр. — эпоха реализма (1840-1881) 115 стр. — новое время (1881-1923).

Таким образом первое сороклетие XIX в. — 110 стр., второе — 132 стр., далее сорок лет — 115 стр., а весь материал до 1800 г. уложен приблизительно на 100 стр. Это отразилось на изложении, так как, например, о западниках и славянофилах изложено куда рельефнее, нежели в соответствии с их отдаленностью русской литературе XIX в. под редакцией Овсяннико-Куликовского (в 5-ти томах), а о русской литературе до XIX в. дано общее понятие.

Может быть, автор и прав в своей даглогической точке зрения так как он имеет в виду широкую популярную аудиторию немецких читателей. Литературу вопросов он везде исполняет добросовестно; так, в характеристике древнейшей русской летописи (стр. 48) он, очевидно, основывается на последних трудах акад. Шахматова, в изложении о Курбском он касается его переводческой деятельности (стр. 69) и, видимо, знаком с такими специальными исследованиями, как ст. акад. Соболевского «Эней Сильвий и Курбский» в сборнике Senta Borysthenica (Киев - 1911). Но, вместе с тем, ни слова не сказано о житийной литературе, о значении ее, хотя для этого было место на стр. 64, где идет речь о «Четьях» — «Минеях» Митр. Макария (значительное слово «Четья» и «Минея» не дано); особенности это следовало сделать (а под рукой была книга Ключевского «Др. — рус. жития святых»), в связи с повествованием на стр. 77 автор говорит о полуцерковном характере повести о Петре и Февронии, что вовсе остается несказанным.

Но это частности, которые ничуть не мешают общей картине истории русской культуры и мысли.

Синтез этого заставляет глубже понимать каждое явление, каждого писателя. Для наглядности прозаики отделились от поэтов. Но в пятом отделе своего труда Лютер отступает от этого разделения, излагая литературные явления нового времени и современности. Это сразу как — то запутывает изложение, внимание читателя напрягается, и несведущий читатель схватывает план изложения. Напр., глава «реалисты и футуристы» создает неправильное сопоставление прозаиков реалистического направления и поэтов определенной школы Кое — где неясна генеалогия направлений, напр. акмеисты не связываются ни с Кузьмиными, ни с Анненскими; Ахматова к этой группе не причислена. В очерке о Брюсове (стр. 418) два печатных ильских путают послышавшего новизну в датировке: «Огненный ангел» появился не в 1919 г., а в 1909 г., «Опыты» — в 1918 г., а не в 1919, когда вышла из печати «Наука о Стихах».

Неясная грамматическая конструкция является виной тому, что причислен к имажинистам Маяковский (стр. 455), хотя на стр. 458 о нем говорится как о футуристе. Среди имажинистов нет Есенина, который был душой направления но есть почему то Пастернак, в ранней молодости принадлежавший к футуристам, а затем к центрофугистам.

Но зато объективно показаны т. н. крестьянские и пролетарские поэты, несмотря на явное недоброжелательство автора к большевизму и коммунизму. Мы пришли к последней странице книги, которой можно только радоваться и дать в руки русскому читателю даже... в перевод на русский язык. Так любовно и красиво выполнил свою нелегкую задачу автор этой новой истории русской литературы. С. К.

Трагедия Болгарии

В. Т. ВОЛЧЕВЪ. — «Къмъ погромъ». — Какъ се проваляхъ народнитъ идеали. — София, 1926 г.

Эта скорбная книга, принадлежащая перу видного болгарского публициста и общественного деятеля, одного из людей добросовестности и высокой порядочности которого общепризнаны, является не столько поучением, сколько мучительным размышлением автора над судьбами своей несчастной родины.

Основной интерес этой книги в анализе тех общественно-политических условий, в результате которых Болгария дошла «до жизни такой».

Особенности политической жизни страны так характеризуются автором в предисловии: «Разгром болгарского дѣла не прищел от одной изолонированной ошибки в нашей политической жизни. Он опирает на ошибочное понимание наших национальных и государственных бездний в течение всего сѣдующаго за нами освободительнаго периода нашей новейшей истории. Историк, который возьмет на себя труд писать об этом, страшно провалит молодого народа, только что вновь выступившего на историческую арену, не сумеет правильно осветить его и всесторонне выявить причины этого провала».

вала, если не проследить заблуждений и путаний вождей этого народа, во все время свободной жизни его. И историк, к которому необходимо обратиться, чтобы понять и осветить эти заблуждения и путания — это сѣдѣ и этикетки борьбы и столкновения двух больших, достояющих течений нашей политической жизни, стремящихся противоположными путями к достижению народного идеала: руссофобского, считавшаго, что условием этого достижения является поддержка русских соперников на Балканах, и руссофильского, не видѣвшаго условий достижения этого идеала, вѣдѣвшаго и поддержки освободившаго насъ государства.

Вся наша политическая жизнь в течение сорока лѣтъ развивалась въ условиях столкновения этих двух течений. Постоянное столкновение их, ожесточающееся иногда до изощрения болгарского сознания и чувства, наложило свой отпечаток на всѣ болѣе крупныя события послѣдних десятилетий, вплоть до разгрома 1918 года. Самъ этотъ разгромъ явился результатом этого идеала. Онъ же и привелъ к одному из течений, воспринятому в болгарской политике въ рѣшительныя минуты нашей истории».

Содержание книги излагает эту драму болгарского политического сознания вплоть до катастрофы 1918 года. Не только всякая болгария, но и иностранецъ, желающий проникнуть въ сокровенное существо болгарской политической мысли, долженъ прочесть эту дѣльную, дышащую патристичностью пафосомъ, работу. И. Д.

Романъ педагога-философа

M. DUGARD. Son pѣchѣ. Editions La Vraie France. Paris, 1925.

Этот роман начинается собою цѣлую серию, которую издательство La Vraie France предполагает выпустить в противовѣтъ циническому и аморальному направлению французской беллетристики послѣдняго времени, отравляющей умы и сердца молодых читателей и дающей превратное понятие о национальном характерѣ французовъ.

Авторъ не столь романтикъ по призванию, как педагогъ и философъ. Ей принадлежат ряд интересных трудовъ, какъ напримеръ «Американское Общество», монографія посвященная философу Эммерсону и т. д. Въ области романа, авторъ выступаетъ тѣмъ же великодушнымъ стилистомъ, благодарнымъ мыслителемъ и тонкимъ наблюдателемъ.

Гуманность и широта взглядовъ, безъ всякой сентиментальности интересное задание и хорошо очерченные характеры на фонѣ великолѣпнаго описания стараго итальянскаго города Сиены придаютъ книгѣ тотъ интерес, который не всегда выпадаетъ на долю книги, имѣющей цѣлью нравственное воспитание общества.

Русский читатель прочтетъ ее съ тѣмъ большимъ интересомъ, что герой — полякъ (по замыслу автора) въ сущности гораздо болѣе похожъ на нашего соотечественника, что объясняется близкимъ знакомствомъ автора со многими русскими и знаниемъ русской литературы. Е. К.

МЕЖДУНАРОДНЫ СЪѢЗДЪ БИБЛИОТЕКАРЕЙ И БИБЛИОФИЛОВЪ ВЪ ПРАГѢ

По инициативѣ «Союза чехословацкихъ библиотекарей» и ряда правительственныхъ и частныхъ организаций въ Прагѣ съ 28 июня по 3 июля с. г. будетъ происходить международный библиотечный съѣздъ. Въ съѣздѣ будетъ болѣе

число делегатовъ, такъ одна лишь польская делегация насчитываетъ 50 членовъ. Изъ извѣстнѣйшихъ учреждений и библиотекъ приглашены: Международный Институтъ для интеллектуальной кооперации при Лигѣ Наций, Международный Брюссельскій библиотечарскій Институтъ, антверпенскій музей Плантена Мо ро, Королевская Стокгольмская библиотека, Библиотека Британскаго музея въ Лондонѣ, Библиотека Конгресса въ Вашингтонѣ, Университетская библиотека въ Амстердамѣ, Лиссабонское географическое общество, Болонская библиотека и т. д.

Очень полно будетъ представлена Польша: въ Варшавѣ, Львовѣ, Краковѣ, Торнѣ и другихъ городахъ образованы особые комитеты, организующие участие польскихъ библиотекарей и библиофиловъ въ съѣздѣ.

Пока что въ Секретариатѣ Съѣзда имѣется уже къ оглашению 30 докладовъ, не считая 20 — польской делегации. Въ программѣ Съѣзда — международный обменъ научной литературой, пересмотръ литературной конвенции 1886 г., обменъ дублетами, кризисъ книги въ настоящее время, обменъ между различными государствами рѣзкими манускриптами, вопросъ о международномъ библиотечарскомъ каталогѣ и т. д.

Общаетъ быть очень интересной выставка пражскаго «Общества ехъ и», которое къ открытию Съѣзда предполагаетъ выпустить книгу Бенеша — «Собрание всѣхъ чешскихъ экъ — либрисовъ». Обязательнаго языка на Съѣздѣ не будетъ. Н. Е.

Въ мирѣ литературы и искусства

ФРАНЦІЯ.

— На дняхъ въ издательствѣ Стокъ выхидитъ письмо извѣстнаго писателя Жана Кокто, только что выпущившаго книгу «При звать къ порядку», къ католическому философу Жаку Маритану. Одновременно появитъ ся отъ Маритана. Въ литературныхъ кругахъ идетъ молва, что Кокто — одинъ изъ оригинальнѣйшихъ переводовъ писателей Франціи, другъ знаменитой эстеткиры мю закнатовъ — сталъ вѣрующимъ католикомъ.

— Вождь французскихъ фашистовъ Жоржъ Вадуа выпустилъ книгу, содержащую его отвѣтъ на обвинения со стороны «Аксіонъ Французъ».

— Вышелъ седьмой томъ исторій французскаго языка отъ его зарождения до 1900 года Фердинанда Брюно.

— Въ изд-вѣ Калманъ - Леви вышелъ въ переводѣ П.-Ж. Ла Шенъ романъ норвежскаго писателя Югана Бойера «Эмигранты».

— Въ театрѣ Фели-Драматикъ поставленъ на пьеса Марселя Панюля и Поля Нивуа «Продавцы славы», шедшая съ большимъ успехомъ во многихъ городахъ Россіи.

— Извѣстный драматургъ Франсисъ де Круассо, пишущій пьесы совместно съ Робертомъ де Ферромъ, выпустилъ свой первый романъ, дѣйствие котораго происходитъ на Цейлонѣ.

— Въ театрѣ Ателье идетъ драма Пирани делло «Все къ лучшему».

— Въ галерей Жоржъ Пти открылся по случаю столѣтняго юбилея выставка Густава Мора и его учениковъ.

— Въ галерей Катр - Шманъ 21 апрѣля открылась выставка картинъ А. Зильоти. Выставка продлится до 5 мая.

— Выходящій въ Санойѣ журналъ «Ле Толдъ» выпустилъ номеръ, посвященный Леону Булу.

— Въ «Ревю Юниверсаль» напечатаны интересные воспоминания Пьера Лафоу о Ленинѣ. Лафоу въ 1917 г. почувствовалъ отвращеніе къ войнѣ, поѣхалъ въ Швейцарію къ Ленину, чтобы предложить ему совместную работу. Ленинъ не принялъ его предложение, чѣмъ углубил, по видимому, что Лафоу не настоящій коммунистъ. Дѣйствительность по, Лафоу скоро разочаровался въ своемъ новомъ увлеченіи. Лафоу приводитъ слѣдующія любительныя слова Ленина, сказанныя въ разговорѣ съ нимъ: «Что до меня, то я порожаю события, а не состою изъ нихъ. Я не соблазнаю людей, а принуждаю ихъ. Нѣтъ ничего болѣе повелительнаго, чѣмъ вѣдѣ. Дѣйствовать надо именно на нихъ. Я физикъ. Я занимаюсь только силами. Старые агитаторы заблуждались, обращаясь къ

Дружественный разговоръ

Рис. Мад

Нѣмцы хотѣтъ имѣть друзей, но они получаютъ товарищей!

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ

Позвольте заявить, что право перевода моихъ произведений на немецкій языкъ принадлежитъ только госпожѣ Е. Т. Розенбергъ въ Берлинѣ, и что всѣ прочіе переводчики должны обращаться за разрѣшеніемъ на переводъ къ ней, во избѣжаніе судебнаго дѣла. Ив. Бунинъ.

ДѢТСКОЕ РАЗГОВѢНІЕ.

Въ Первый День Св. Пасхи, въ 4 ч. дня, Владыкой Митрополитомъ на Сергеевскомъ Подворьѣ будетъ совершено вечерня, послѣ чего состоится дѣтское разговѣние.

Билеты на разговорныя разговѣнія безплатно у церковнаго старосты... Пожертвованія на устройство разговѣнья принимаются у церковнаго старосты подъ квитанціей или по собственноручной записи къ книгѣ.

Покорнѣйшая просьба безъ квитанціи никому пожертвованія не передавать. Настоящія свѣдѣнія просимъ распространить среди православныхъ русскихъ людей. Адресъ Сергеевскаго Подворья — 93, рю де Крым, Парижъ XIX Мѣтро — «Ботари» Трамвай: 21, 29, 51, 99 — остановка рю де Крым.

Автобусы: М. AP, AV — остановка рю де Крым. Круговая жел. дорога (Сентюр) — остановка Бельвилль - Виллетта.

ИТАЛІЯ.

— Въ Римѣ съ большимъ успѣхомъ состоялся выступленіе Иды Рубинштейнъ въ «Илотъ» Дюстоевскаго во француской переводѣ Нозьера.

— 24 апрѣля состоится закладка національнаго памятника Франциску Ассизскому. Будетъ присутствовать Муссолини.

— Итальянскій скульпторъ Эрнесто Фіори недавно подошелъ въ одномъ изъ берлинскихъ музеевъ къ знаменитому физіку Эйнштейну и ударилъ его палкой по головѣ. Эйнштейнъ передъ этимъ неодобрительно отозвался о работахъ Фіори.

БЕЛГІЯ.

— Въ парижскомъ изд-вѣ Эмиль - Поль выходитъ новый романъ Франца Эдлена «Наивный».

— Литературный кружокъ въ Льежѣ «Промениумъ» поставилъ съ большимъ успѣхомъ чехоскаго «Медвѣдь».

РОССІЯ ЗАРУБЕЖНАЯ.

— Пьеса И. С. Сургучева «Осенній скрипъ», съ большимъ успѣхомъ прошла во Флоренціи и на дняхъ будетъ поставлена въ Римѣ.

Дипломатъ взялъ у Чичерина хлѣбъ съ горчицей и далъ коту. Котъ понюхалъ и презрительно отвернулся.

— Вотъ видите? — сказалъ Чичеринъ — котъ не ѣстъ горчицы, потому что вы не умѣете подойти къ предмету. А я слѣлаю вотъ какъ.

Чичеринъ взялъ коту, зажалъ его полъ мышкой и намазалъ ему горчицей полъ хвостомъ. Котъ бѣшено закрутился по вагону и въ мгновение ока вылизалъ всю горчицу.

— Видите? — сказала Чичеринъ, — котъ горчицу съѣлъ.

И наставительно добавилъ: — Это называется: умѣние подойти къ предмету.

Посрамленные дипломаты молчали.

У одного еврея не шли дѣла. Въ горе сти онъ идетъ къ одному мудрому раввину и говоритъ ему:

— Торговать я рыбой, солью, керосиномъ, брилліантами, валютой, аптекарскими товарами, обувью и на всемъ прогорѣлъ. Что мнѣ дѣлать, реббе?

Раввинъ раскрылъ книгу и отвѣтилъ: — Вотъ здѣсь написано: отъкрой хлѣбопеканню и гробовую лапку. Если народу хорошо, онъ покупаетъ хлѣбъ. Если народу плохо, онъ умираетъ и покупаетъ гробы. Не въ томъ, такъ въ другомъ случаѣ ты обязательно заработаешь.

Еврей послушался мудраго совѣта, открылъ хлѣбопеканню и гробовое заведение и, къ своему собственному удивленію и, опять прогорѣлъ, а паль въ тоску и душевное смѣтаніе и, пріидя опять къ тому же раввину, повѣдалъ ему о своихъ печаляхъ.

Раввинъ раскрылъ другую книгу, началъ читать ее, нашелъ какую-то главу и сказалъ:

ЭХО.

Ага! Теперь понимаю, въ чемъ дѣло. Писаніе не вретъ. Видишь? Сказано: бывають такіе періоды въ жизни народа когда онъ не ѣстъ хлѣба, и не покупаетъ гробовъ. Такіе періоды называются агоніей. Въ такомъ періодѣ находится сейчасъ и Россія, — и теперь я вполне понимаю, отчего ты прогорѣлъ.

Входитъ въ поѣздъ еврей и ищетъ мѣсто. Суется въ одно купѣ, — проволникъ ему кричитъ:

— Ступай дальше, — здѣсь ѣдетъ Г. Ц. У.

Суется въ другое купѣ, — проволникъ кричитъ:

— Ступай дальше: здѣсь ѣдетъ Совнархозъ.

Суется еврей въ третье, четвертое, пятое купѣ, — все занято, все ѣдутъ отдѣльныя спеціальности.

Наконецъ еврей пробуетъ войти въ десятое купѣ.

— Ступай дальше, — кричитъ проволникъ, — здѣсь ѣдутъ отъѣздные.

— Ага! — говоритъ еврей, — вотъ это и есть мое купѣ.

Входитъ, кладетъ чемоданъ на полку и садится.

— Послушайте, — говоритъ ему проволникъ, — я же вамъ сказалъ, что это отдѣльные для отъѣздныхъ.

— Ну, а я что? — отвѣтилъ еврей. — А я — не отъѣздный!

— Потрудитесь показатъ документы... Какіе документы? Что показывать? — возмутился еврей. — Что ты безъ документовъ не знаешь: когда выгонятъ и Г. П. У., и Совнархозъ, и черта, и дьявола, — то кто будетъ отъѣзднымъ? Я. Значитъ, это мое мѣсто. Я и сижу здѣсь. И никаку не двинусь.

Зарубежникъ.

Совѣтская Россія въ анекдотахъ

Слова и мысль въ Россіи удешевлены. Граждане социалистической республики, поды угрозой смертной казни, лишены возможности читать свободную европейскую печать, лишены возможности свободно общаться. Если два гражданина этой республики желаютъ безнаказанно погулять вмѣстѣ по улицамъ своего города, то они должны заранѣе сговориться о томъ, какъ отвѣчать, если прохладный нежность подвергнетъ ихъ вопросу на тему:

— О чемъ бесѣдуемъ?

И, все-таки, Россія не умерла. Россія мыслитъ, горитъ гнѣвомъ и коротко, зло и точно отражаетъ свои настроенія... въ анекдотѣ. Какъ ни дико, какъ ни чудовищно, но анекдотъ — сейчасъ единственная форма, въ которой совѣтскій гражданинъ можетъ безопасно отозваться на тѣ вопросы, которые волнуютъ его гражданскую сущность. Анекдотъ — неувольнимо: его не найдешь при обыскѣ, онъ — неувольнимо, поминается въ годовщѣ. Онъ яркъ и потому крѣпко держится въ памяти. Онъ — кратокъ и трезвъ, и будетъ всего двухъ минутъ, чтобы быть рассказаннымъ. Онъ лучше всякихъ рѣчей и брошюръ вскрываетъ сущность вопроса. Авторъ анекдота не понимаетъ и въ Чеху не отвѣдешь: онъ — анонименъ.

Много всякихъ восторговъ о мудрости коммунистовъ выслушала Европа изъ устъ различнѣйшихъ Оларіевъ, совершившихъ разгромъ въ Мекку социалистической республики. Должной оцѣнкой этихъ восторговъ много занималась

и европейская, и русская зарубежная печать. И ту, и другую легко обвинить въ продолжности и въ заинтересованности. Но, вотъ, онъ, современный российский, подлинный анекдотъ. Переведите его на иностранныя языки, и онъ весьма показательно отвѣтитъ на главы, въ которыхъ толкуется о преданности населенія совѣтской власти.

Къ Ленину приходитъ, кланя, депутатъ отъ всѣхъ совѣтскихъ кланей, и держитъ такую рѣчь:

— Товарищъ Ильичъ. Мы, совѣтскіе кланей, много сдѣлали и дѣлаемъ для благоденствія республики. Мы возмемъ конницу Буденнаго и артиллерійскія пушки. Мы подвозимъ изъ дсрвенъ провантъ, на насъ падаютъ совѣтскіе мужики, катаются ваши дамы. Мы просимъ усиленный паекъ.

Поразмысливъ Ленинъ, справился въ законѣхъ Маркса и постановилъ:

— Выдать паекъ.

Ушла лошадь, — приходитъ королева, делегатка отъ всѣхъ совѣтскихъ коровъ, и тоже говоритъ о своихъ заслугахъ:

— Такъ де и такъ: мы даемъ молоко, мы выкормили насѣдника Каменева, всѣхъ дѣтей Дзержинскаго, мадамъ Крупскую. Троцка и Ларина кушаютъ кофе съ нашими сливками даже тогда, когда въ Россіи пожираютъ трупы людей, — мы, какъ и лошади, заслужили усиленный паекъ.

Прозлелъ Ленинъ, и постановилъ:

— Выдать паекъ. Тогда является осель и тоже требуетъ усиленнаго паика.

Удивился Ленинъ и воскликнулъ: — Но у тебя какія же заслуги? Осель спокойно отвѣтилъ:

— А если бы не я, развѣ ты сидѣлъ бы въ Кремлѣ?

Поразмысливъ Ленинъ, пересмотрѣлъ историю російской революціи и велѣлъ выдать ему усиленный паекъ.

Въ другомъ анекдотѣ описывается за сѣдане Вишка, въ которомъ обсуждался вопросъ о переименованіи Петрограда въ Ленинградъ. Оказывается, что всѣ члены Вишка были на то согласны, кромѣ Луначарскаго. Луначарскій, безъ всякихъ мотивовъ, отказывался дать свою санкцію, какъ наркомпроца.

— Но почему? — спрашивали остальные товарищи.

— Не желаю, — вотъ и весь сказъ, — отвѣчалъ Луначарскій.

Положеніе становилось тревожащимъ, ибо въ головы товарищей забиралась мысль: ужъ благополученъ ли Луначарскій по части чистой революционности? Всѣхъ выручилъ Трошкій, какъ самый умный.

Онъ подошелъ къ Луначарскому и сказалъ ему:

— Слушай, Луначарскій, я смутно догадываюсь, въ чемъ дѣло, но даю тебѣ честное слово что какъ только ты умирешь, я напечатать въ миллионѣхъ экземплярво Пушкина и на обложкѣ поставлю «Сочиненія Луначарскаго».

— Это — дѣло, — отвѣтилъ Луначарскій, обрадовавшись, и подписалъ протоколъ о переименованіи Петрограда въ Ленинградъ. Постановленіе было принято единогласно.

— Ради коммунизма, называйте Ленинградъ по-прежнему Петроградомъ. Здѣсь, въ гробовой жизни, Петръ Великій мнѣ покоя не даетъ. Какъ встрѣтится такъ морду бьете.

Наркоминдѣлъ Чичеринъ ѣхалъ на какую то конференцію въ одномъ вагонѣ съ дипломатами нѣкихъ странъ. Только что пообѣдали, выпили хорошаго вина, — и теперь, покуривая душистыя сигары, болтали по душамъ и удививъ всякія профессиональныя услонности.

— Послушайте, г. Чичеринъ, — сказалъ одинъ дипломатъ, — вы же умный человѣкъ...

Чичеринъ учтиво поклонился.

— Въдъ, въ же, не хуже насъ, знаете — продолжалъ дипломатъ, — что всѣ ваши политики и внутреннія, и внѣшнія, и экономическая, и религіозная, и просвѣдительная ни къ черту не годятся. Вашъ червонецъ, вашъ бюджетъ — гроша ломаннаго не стоятъ. Но объясните намъ, пожалуйста, какимъ образомъ вы заставили добрый и умный русскій народъ воспринять всю эту чепуху? Не скроемъ, что въ нашихъ государствахъ это было бы невозможно.

— Вы ошибаетесь, — отвѣтилъ Чичеринъ, — дайте намъ ваши государства, и въ вашихъ государствахъ мы сдѣлаемъ все самое. Все зависитъ отъ умной по дойти къ предмету.

— Напримѣръ? — спросилъ дипломатъ.

— Напримѣръ? — отвѣтилъ Чичеринъ — вотъ видите: сидитъ котъ.

Дѣйствительно, въ одномъ изъ креселъ сидѣлъ громадный пушистый котъ.

— Вотъ я намазываю на хлѣбъ горчицу и прошу съѣсть это коту. Посмотримъ, будетъ ли онъ ѣсть этотъ бу тербродъ?

Дипломатъ взялъ у Чичерина хлѣбъ съ горчицей и далъ коту. Котъ понюхалъ и презрительно отвернулся.

— Вотъ видите? — сказалъ Чичеринъ — котъ не ѣстъ горчицы, потому что вы не умѣете подойти къ предмету. А я слѣлаю вотъ какъ.

Чичеринъ взялъ коту, зажалъ его полъ мышкой и намазалъ ему горчицей полъ хвостомъ. Котъ бѣшено закрутился по вагону и въ мгновение ока вылизалъ всю горчицу.

— Видите? — сказала Чичеринъ, — котъ горчицу съѣлъ.

И наставительно добавилъ: — Это называется: умѣние подойти къ предмету.

Посрамленные дипломаты молчали